

«ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ И ВОКРУГ НЕГО»

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕЗОВ — историк, сотрудник института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, автор ряда работ по истории современной христианской теологии на Западе. В течение нескольких лет редактировал раздел, посвященный Армении, Азербайджану и Нагорному Карабаху, в правозащитном еженедельнике «Экспресс-хроника» (Москва), сотрудничал в бюллетене «Вести из СССР» (Мюнхен), в настоящее время является московским представителем журнала «Страна и мир» (Мюнхен). Предлагаемая со значительными сокращениями статья, представляющая точку зрения на проблемы Карабаха и «вокруг него», — результат четырехлетней работы независимого исследователя.

В начале марта 1992 г. я беседовал с летчиками в ереванском аэропорту «Эребуни». Говорил... один и тот же летчик, остальные одобрили кивали: «А ты разве не понимаешь, что происходит? Не знаешь, что один народ сражается за свободу, а другой не дает ему освободиться?»

Я думаю, что формулировка моего собеседника истинна, но она сводит вопрос к «праву народов на самоопределение» — теоретически всюду признанному и закреплению, а практически, к сожалению, целиком зависящему от конкретного соотношения политических сил и интересов.

...Посмотрим на карту Кавказа и Передней Азии. Отметим на ней районы компактного проживания армян в начале 10-х годов XX века. Не имея собственной государственности, армяне жили общинами в Российской и Османской империях на пространствах от малоазийского побережья Средиземного моря (Ниликия) до Тифлиса и Северного Кавказа, от Баку до Черного моря. В Турции армянское население насчитывало больше двух с половиной миллионов человек, большинство которых жило в шести малоазийских вилайетах. (Важно отметить: спустя 80 лет примерно такова же численность населения сегодняшней Республики Армения). «До 1-й мировой войны б. ч. армян (около 4 млн. чел.) жили компактно на территории исторической Армении, из них в Российской империи — около 1,5 млн. человек, остальные — в Турции» (Народы мира. Истико-этнографический справочник. — Москва, 1988, с. 69). Под исторической Арменией обычно понимается пространство, включающее озеро Севан (на востоке), Ван (на юго-западе) и Урмия (на юго-востоке).

И при таком описательно-демографическом подходе история армян в XX веке выглядит как растущая на десятилетия национальная катастрофа, которая грозит обернуться полным уничтожением этого народа.

В самом деле, вспомним общедоступные факты.

В результате геноцида армян в Османской империи Западная Армения (восточная часть современной Турции) практически лишилась коренного населения: в 1915 — 1916 гг. от полутора до двух миллионов армян были лишены гражданских прав, депортированы и наконец уничтожены «под шумок» мировой войны. В этой последовательности событий читатель легко узнает модель физического уничтоже-

ния целых социальных групп, которая затем неоднократно применялась в нашем веке. Именно так коммунисты уничтожали эксплуататорские классы, а национал-социалисты — евреев.

Вот результат: сейчас в Турции всего около 100 тысяч армян, они живут преимущественно в Стамбуле и других крупных городах, в большинстве своем они сильно ассимилированы, отрицают — в соответствии с официальной турецкой версией истории — геноцид 1915 года, подчеркивают свою лояльность Турции. А во всем мире общее число армян за прошедшие после геноцида восемь десятилетий выросло лишь незначительно: последствия этого события ощущаются до сих пор.

За катастрофой в Османской империи последовала резня армян в Нахичевани, Баку и Шуше (1918—1921). В конце 1920 г. независимая Армянская республика, продержавшись менее трех лет, пала под ударами турецкой и русской армий. Армянские территории были разделены между кемалистской Турцией и коммунистической Россией. Согласно Московскому договору, подписанному 16 марта 1921 г., было подтверждено право Турции на Каосскую область и некоторые другие западноармянские территории, захваченные Россией во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и вошедшие в ее состав по Берлинскому трактату 1878 г. (Впервые Россия отказалась от этих территорий в Брест-Литовском договоре). Согласно тому же Московскому договору Нахичеванская область, относящаяся к ядру исторических армянских территорий, была передана под протекторат Азербайджана. Этот договор стал правовой основой для образования Нахичеванской АССР в составе Азербайджана. Известное постановление о включении Нагорного Карабаха на правах автономии в советский Азербайджан, принятое Кавбюро РКП(б) 5 июля 1921 г., тоже определено попытками большевиков найти общий язык с Турцией, которая тогда, как и сегодня, стремилась быть покровителем азербайджанцев.

В Нахичевани мы видим тот же результат, что и в Западной Армении: в 1917 г. армяне составляли около 40 проц. его населения, в 1926 г. их численность сократилась почти в 5 раз, а к началу восьмидесятых годов в этой армянской автономии Азербайджана оставалось лишь два армянских села, т. е. армянская община Нахичевани более не существует. От нее, как и в Малой Азии, осталось лишь армянское название области.

За пятьдесят лет, непосредственно предшествовавших нынешнему карабахскому кризису, доля армянского населения в НКАО и прилегающих к области районах Азербайджана (Шаумяновск, Дашкесан, Ханлар, Шамхор) непрерывно уменьшалась...

Расспрашивая специалистов-этнографов и грузинских армян (к 1988 году их было около полумиллиона), я узнал, что существование армянской общины в Грузии тоже оказалось под угрозой. Эта тема мало обсуждается, так как из политических соображений о ней не принято говорить слишком громко. Здесь тоже была глухая вражда, вырывавшаяся на поверхность по мере подъема

грузинского национально-освободительного движения. Армянские культурные институты сворачивались, армянам навязывался статус «гостей», поставленных перед выбором: ассимиляция или эмиграция. При Звиаде Гамсахурдиа такое отношение к армянскому меньшинству фактически стало государственной политикой. Грузинские армяне уезжают на Северный Кавказ и в Россию, их немало и среди кандидатов на эмиграцию в США.

Уже в ходе конфликта «в Нагорном Карабахе и вокруг него» сотни тысяч армян были изгнаны из Баку, Кировабада (Гянджа), а также из Ханлар, Шамхора, Дашкесана и других сельских районов Азербайджана. Здесь нет нужды подробно говорить о сумгаитской резне, о кировабадских погромах в ноябре 1988-го, о бакинских погромах в январе 1990 г. Все, кто этим интересуется, хорошо помнят упоминаемые события, в результате которых в Азербайджане не осталось армян.

Повторяю: речь идет не о моральной оценке, а об описании исторического процесса, который, как кажется, идет с необратимостью геологического сдвига. Страшно сказать, но даже землетрясение 7 декабря 1988 г., разрушившее половину Армении, естественным образом вписывается в эту картину.

И на этом фоне карабахское движение можно понять как последнюю попытку «повернуть» динамику армянской истории, оборвать эту тенденцию, не пустить в будущее... Ведь всякий, кому знаком чудовищно раздувшийся за последние два-

три десятилетия Ереван, кому приходилось путешествовать по Армении, знает, что эта крохотная горная страна, болеющая всеми болезнями «третьего мира», не в состоянии прокормить собственное население, тем более принять сотни тысяч беженцев.

Таким образом, «карабахская проблема» сводится к стремлению народа выжить, уцепиться за последний рубеж...

Угроза изгнания и уничтожения — константа армянской истории, наиболее ярко проявившаяся в XX веке, но возникшая гораздо раньше. Именно она способствовала окончательному оформлению той модели интерпретации истории, которую можно назвать армянским мифом.

В гуманитарных науках разработаны десятки определений понятия «миф». Я использую их общий элемент: миф — это ненаучное знание, позволяющее включенному в некое сообщество человеку осмыслить свою жизнь. Миф не обладает истинностным значением, то есть не может быть истинным или ложным, его нельзя доказать или опровергнуть. Миф предписывает человеку нормы и ценности, его главная характеристика — действенность. Если миф оказывается не в состоянии предложить членам сообщества смысл жизни, он становится бездейственным, утрачивает свою социальную функцию и распадается. В такой ситуации его заменяет другой миф. Стало быть, миф содержит — в нерасчлененном виде — религиозные, философские, правовые и моральные компоненты. Например, сейчас в русском образованном об-

ществе на смену мифу о социальной справедливости идет миф о правах человека и свободном рынке.

Ключевой смысл армянского мифа — цивилизованность. За этим словом-шифром стоит представление об армянстве как о древнем народе с трехтысячелетней историей, о наследнике настоящей античной культуры, распространяющем ее цивилизующее влияние на другие народы...

Второй важнейший элемент армянского мифа — представление об армянах как о христианском народе, форпосте христианского мира на Востоке.

С этими двумя элементами мифа связан третий — самопонимание армян как вечной беззащитной жертвы в руках нецивилизованных инородцев и как народа, преданного Западом во имя ложно понятых политических интересов. Армянский народ обречен на невинные страдания подобно самому Христу. В армянской истории заключен некий урок, который христианское человечество не хочет усвоить...

Легко заметить, что все элементы мифа способствуют изоляции армян, ибо последовательно противопоставляют этот народ «соседям», т. е. тюркским и другим мусульманским народам. (Тут я вспоминаю о моих друзьях из Степанакерта, которые вместо слов «азербайджанцы» или «турки» всегда говорят описательно: «наши соседи»). В сущности, миф формирует идентичность армян как «антиуток». Очевидно, что этот изоляционистский миф чужд современному Западу: господствующее в

Западной Европе и США либеральное мировоззрение основано на секулярности и универсализме.

Что же касается «московских друзей армянского народа», то они, к сожалению, за прошедшие четыре года часто занимались актуализацией и перефразированием армянского мифа. Здесь надо уточнить: имеются в виду те, кому действительно важна судьба армян, а не словолубивые люди из числа «так называемых демократов», использовавшие в свое время армянскую тему и доверчивость армянского народа как трамплин для своей публичной карьеры. Я уверен: эти последние понимают смысл собственного предательства. Надеюсь, что иногда они испытывают стыд.

По моим наблюдениям, «московские друзья» укрепляют как раз те элементы армянского мифа, что изолируют армян от соседних народов...

...По мере пробуждения азербайджанского общества здесь формировался (из уже готовых блоков) и становился публичной величиной «контрмиф» о коварных армянах и наивно-доверчивых азербайджанцах. Характерно, что вместо демифологизации массовому сознанию предлагается борьба мифов. А в Азербайджане растет уверенность в том, что российский и западная публика не откажется от двойных стандартов: христианский мир все равно будет на стороне цивилизованного народа, проявляя свойственный ему европоцентричный расизм...

А попытки «объективного подхода» в центральной (и затем) российской прессе тоже не назовешь удачными: с осени 1988 г. здесь помещают армянскую и азербайджанскую версии событий в двух соседних колонках. Однако «неумение найти и сказать правду» (Б. Л. Пастернак) такой объективностью не заманишь...

...Осенью 1990 г. я прожил неделю в доме моего знакомого аскеранца. По несколько раз в день он возил меня на «Жигулях» из Аскерана в Степанакерт и обратно. Прямая дорога ведет через Ходжалы, и однажды шедшую перед нами армянскую машину там закидали камнями. В следующие дни армянские водители предпочитали труднопроезжую окольную дорогу. По этому поводу я услышал: «Если бы весной 1988 г. мы сожгли в Ходжалы пару домов, азербайджанцы сами ушли бы оттуда».

Тут уместно вспомнить, что первый поход толпы погромщиков из Агдама на Аскеран был 22 февраля 1988 г., через два дня после внеочередной сессии Совета народных депутатов НКАО, ходатайствовавшей перед Верховными Советами обеих республик о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР. Этот поход стал первой с начала карабахского движения попыткой насилия со стороны азербайджанцев и одновременно — первой публично значимой реакцией азербайджанцев на решение карабахского облсовета. На своем пути толпа избивала армян, разоряла постройки. Погромщики были остановлены выстрелами милиции на окраине Аскерана — там, где четыре года спустя, в начале марта 1992 г., были остановлены прорвавшиеся к Аскерану азербайджанские бронетранспортеры.

Второй реакцией азербайджанского общества на стремление ка-

рабахцев освободиться был сумгаитский погром 27—29 февраля 1988 г.

Сопоставляя все эти разнородные эпизоды, я пытаюсь обосновать два утверждения.

Во-первых, отношение к насилию в азербайджанской и армянской политических культурах действительно разное. Мне трудно представить себе, чтобы нейтральный историк смог аргументированно опровергнуть такой вывод. Погром и массовая резня — это именно тот отклик, которого в феврале 1988 г. было естественно ожидать. Именно такие ожидания вытекали из всего опыта сосуществования армян с тюрками в критические моменты истории. Угроза резни (так называемый «азербайджанский фактор») действительно стала политическим аргументом с самого начала конфликта.

Во-вторых, заданный «Сумгаитом» уровень политической морали побеждает у нас повсюду — и не только в Закавказье. (Это утверждение уже стало общим местом у авторов, анализирующих динамику массового насилия в эпоху распада СССР). Армяне тоже успешно усвоили аргумент насилия: тебя никто не защищает, поэтому убивай противника и захватывай его позиции, если не хочешь оставаться беззащитной жертвой... Если бы не упорное вооруженное сопротивление армян, то уже давно состоялось бы «окончательное решение» карабахского вопроса путем уничтожения армян.

К сожалению, попытки решения споров цивилизованным способом, т. е. путем взаимных уступок, компромиссов, в Закавказье почти не имели успеха, отчасти из-за беспомощности и некомпетентности центральных властей, но не только поэтому. Возможность компромисса намечалась в то время, когда в Карабахе губернаторствовал Аркадий Вольский (лето 1988 — ноябрь 1989). Вначале как представитель ЦК КПСС и ВС СССР, а затем в качестве главы Комитета особого управления НКАО и снова отдал Карабах в полное распоряжение азербайджанским властям, руководители Армении и НКАО предприняли отчаянный шаг с целью хоть как-то воздействовать на «центр»: 1 декабря 1989 г. в Ереване на совместной сессии ВС Армении и Национального совета НКАО было объявлено о создании единой Армянской Республики, включающей Нагорный Карабах. Это решение осталось без последствий, а новая, посткоммунистическая власть Армении предпочитает не брать на себя ответственность за него...

...Попытка пробить «лачинский коридор» означала бы войну по всему фронту между Арменией и Азербайджаном. Исход такой войны зависел бы от позиции соседних государств и потому не поддается прогнозированию. Одно ясно: сейчас у Армении в отличие от Азербайджана нет настоящих союзников, поэтому речь пойдет уже не о Карабахе, а о битии или небитии армян в Закавказье. На горизонте — угроза нового геноцида.

Логическая возможность избежать такого развития — признание международным сообществом Нагорно-Карабахской Республики. Однако сегодня, видимо, никто не готов к такому решению.

Сейчас события разворачиваются так, что вероятность первого реше-

ния гораздо выше. Очевидно, что при нынешнем положении вещей многократное превосходство военного потенциала Азербайджана скоро появится, а помощь Карабаху со стороны Армении незначительна. «Воздушный мост» ненадежен, он может быть разрушен очень скоро. Сельское население Карабаха дает старые запасы, и уже близок настоящий блокадный голод. Пытаясь укрепить свои позиции, карабахцы почти наверняка пойдут на штурм Шуши, что приблизит развязку.

Первое крупное военное поражение карабахцев означает поголовное вырезание населения. При прорыве карабахского фронта правительство Армении, даже оставшись в полной изоляции, придет на помощь Карабаху, армяне же вооруженные формирования попытаются пробить сухопутный «коридор» в Нагорный Карабах через район Лачина...

...Из опыта поездок в Карабах и постоянного общения с карабахцами я вынес впечатление, что они стремятся не столько слиться с Арменией, сколько вырваться из-под контроля Баку: фактическую независимость от Азербайджана они считают необходимой предпосылкой для сохранения своей общины. В феврале 1988 г. «миацум» (соединение с Арменией) представлялся единственной конституционной возможностью уйти из-под власти Азербайджана. Кстати, все участники февральских событий, включая партийно-советскую элиту области, прекрасно понимали, что своими действиями раз и навсегда отрезают себе путь назад: прощения уже никогда не будет. Поэтому февральское решение сессии облсовета и соответствующее ему по смыслу постановление пленума Нагорно-Карабахского обкома КП Азербайджана следует считать актами высокого мужества.

А когда ПВС СССР 28 ноября 1989 г. упразднил Комитет особого управления НКАО и снова отдал Карабах в полное распоряжение азербайджанским властям, руководители Армении и НКАО предприняли отчаянный шаг с целью хоть как-то воздействовать на «центр»: 1 декабря 1989 г. в Ереване на совместной сессии ВС Армении и Национального совета НКАО было объявлено о создании единой Армянской Республики, включающей Нагорный Карабах. Это решение осталось без последствий, а новая, посткоммунистическая власть Армении предпочитает не брать на себя ответственность за него...

...Предложенное здесь понимание ситуации ведет к следующему прогнозу. В решении карабахской проблемы, по-видимому, существует лишь такая альтернатива: армянскую общину Карабаха уничтожают (возможно, при военном поражении остатков ее спасаются бегством), либо Карабах обретает фактическую самостоятельность (как бы она ни называлась). Что касается проектов «реальной автономии» внутри Азербайджана, то они, видимо, неосуществимы, если допускают хоть какой-то контроль Азербайджана над Нагорным Карабахом.

Сейчас события разворачиваются так, что вероятность первого реше-

Цицернакаберд. Памятник жертвам геноцида 1915 года.